

„Дружные ребята“

Перед нами небольшая стопка тоненьких тетрадок журнала „Дружные ребята“ — всего получится около трехсот страниц. И хотя количество это очень немного, журнал, однако, дает своему читателю много, много интересного, сообщает всякие новости, разнообразные сведения о нашей стране, о жизни животных, о спорте, о технике, помещает много рисунков; печатает репродукции картин великих мастеров и советских художников.

Большим достоинством журнала „Дружные ребята“, на наш взгляд, является то, что вопрос о подвиге сделан для себя главным, пытаясь ответить тысячам детей на их насущный вопрос. В большинстве рассказов, помещенных в журнале, можно уловить одну, как бы объединяющую тему, можно обнаружить продуманную целеустремленность. При всем многообразии сюжетов, при всем неравенстве достоинств они образуют единый цикл произведений о первых подвигах, где героем является наш обыкновенный мальчишка, разве что чуть-чуть впоследствии дружных, находчивых, сметливых, доблестнейших, мужественных. И в этом — главный интерес и ценность.

Подвиги, описываемые в рассказах, различны, но общим для них является то, что характерно для настоящего подвига, — преодоление слабости, собственной слабости, продажные кости, силы инерции.

Часть этих подвигов непосредственно связана с войной. В рассказе И. Васильенко „Полотенце“ (№ 1) маленький Леша в темную ночь, не боясь близких выстрелов, выводит грузовик, везущий снаряды на фронт, по разбитой дороге на передний край.

Другой Леша из рассказа Л. Пантелеева „Главный инженер“ (№ 2—3) строит из снега ложные батареи, да так здорово, что немцы принимают их за настоящие и аккуратно бомбят их одну за другой, в это время как наши настоящие батареи остаются невредимыми. Автор показывает смелого мальчишку, мужественного и честного и в то же время еще настоящего ребенка, который хочет уберечь от ответственности, плечет, боится последствий своей шалости, но все-таки не убогает и решительно идет навстречу опасности.

Вот колхозный парнишка вывел из строя лужайского танка зарытого немцами в землю. Хитро обманув немцев, он вымал в дуло песок, пушка разорвалась, немцы дрогнули, и советские войска вошли в деревню. Автор этого рассказа — Н. Богданов говорит о том, что мальчишка боится страшно, но он все-таки не ушел со своего наблюдательного пункта в море, все-таки сам, своими глазами увидел, что получились все „песочка“.

К этому же циклу примыкает и рассказ пионера Вани Кразченко, записанный с его слов А. Елагиной (№ 7), о том, как оборона их колхозный скот и спас его вовремя оккупации их деревни немцами.

Герои всех этих произведений — обыкновенные мальчишки, и в их действиях нет ничего сверхъестественного. Журнал сознательно избегает опасности апологизировать детей, как это часто встречалось в книгах о гражданской войне, где подвиги красных дьяволят и Макаров-следопытов решали успешный исход больших боев.

Журнал сделал бы, конечно, большую ошибку, если бы ограничился только рассказами о военных подвигах детей. Нет, меньшую долю в нем занимают рассказы о трудовых и житейских доблестях детей.

В первую очередь здесь можно назвать рассказ А. Платонова „Ветер-хлебоботанка“, записанный им со слов И. Курдюмова. В этом рассказе показан высокий подвиг — героизм труда, будничного, тяжелого. Двое больших парней — единственные работники в селе, разоренном немцами. Они прижали себе на помощь ветер, приспособили его, как тягловую силу, — ведь ни одной лошади не оставили немцы в деревне, — и с помощью ветряной мельницы, что тянет на веревке их плужок, терпеливо, с великим упорством трудолюбивой привязанности к земле, полные сознания своего долга, делают вдвоем запашку за всех, не уклоняясь ни на минуту от своего утомительного труда.

Герой рассказа А. Коженикова „Архима“ (№ 1) — горячий и настоящий колхозный парнишка, — после долгих поисков, придумывает ворот, которым поднимает из оврага лес, необходимый колхозу.

В Ваники в рассказе „Колхоз“ (№ 8) попустует о маленьком Игнатке, о том, как он уберет колхозную пасеку от медведя. Автор несколько раз подчеркивает, что Игнатка очень боится, что он пошел на выдумку со страху. Но не убожал он со страху, а стал думать и придумал, как защитить себя и колхозных пчел от косматого лакомы. Чувство долга не позволило ему покинуть свой пост, а смекалка вывела его из беды.

Несмотря на то, что рассказы подчас схематичны, образы персонажей, в них есть верные штрихи характеров маленьких героев нашего времени, и читатель, принимая их своим сердцем, сам растет и мужает. Рассказы эти затронут в ребятах струнку изобретательства, заставят примерять себя к описанным ситуациям, заставят задуматься о долге, помогут формированию характера, подкажут тот путь, на котором суждено будет совершить им подвиг своей жизни.

В этом — достоинство произведений. В этом — заслуга журнала.

Многое можно, однако, поправить в утрек „Дружным ребятам“. Справедливо обидно читать чуждые журналу — ни одного рассказа за весь год не печатают о девочках, будто вовсе и нет их на свете. Но не будем говорить о том, чего нет в журнале, — пусть это испытанный и легкий. Упомянем еще о том, что есть и чего с успехом могло и не быть. Из номера в номер печатались в журнале повести В. Воронова „Кем быть?“. Тема ее как будто та же, ведущая для журнала — дела и дни смекалки наших колхозных ребят, но написана она так схематично, раздроблено, что читатель ничего не прочтет в ней.

Журнал не ограничивается показом действий смелых и смывленных ребят. Пример жизни замечательного человека, биографии великих людей занимают в формировании характера, сознания не меньшее место. В „Дружных ребятах“ напечатаны очерки и рассказы о Ленине.

В № 7 напечатан исторический рассказ С. Григорьева „Мичман Суворов“, описывающий один эпизод из жизни Суворова. Основные черты великого полководца — его требовательность к себе и к другим, его демократичность, обширные знания, остроумие и решительность — хорошо переданы автором.

Интересную и малоизвестную страничку русской истории, связанную с Черноморским флотом, дает в своем рассказе „Мальчик с барabanом“ Л. Рубинштейн (№ 11—12), повествуя о замечательном русском флотоводце адмирале Сенявине.

Журнал систематически печатает очерки о Героях Советского Союза. Читатель найдет также несколько очерков о великих русских людях — о Чехове, Менделееве, замечательном летчике Нестерове и др.

Мы остановились на тех произведениях, которые, как нам кажется, определяют лицо журнала, его характер, отнюдь не исчерпав содержания „Дружных ребят“.

В журнале напечатаны чудесные миниатюры М. Пришвина, острая и выразительная поэма П. Тычина „Сиротка“, стихи Л. Квитко, С. Маршак, С. Михалков, Е. Благинин, Е. Грутневой, Е. Тарховской и др. очень хорошие, свежие по материалу очерки Н. Раковой о происхождении домашних животных, печатаются советы юным мастерам сельского хозяйства, занимательные задачи и загадки, всевозможные вкладыши.

В подзаголовке журнала стоят: „Ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ для деревенских пионеров и школьников“. Это подзаголовок, указывающий адрес читателя, является причиной многих споров вокруг журнала. Некоторые считают, что адрес этот должен определять содержание журнала, ограничив его исключительно колхозным материалом. Мы считаем этот спор беспредметным. Разве мы можем читать только про моряков и про море, разве врачи читают книги только по медицине и про врачей?

Человек, юный человек, и человек, ставший взрослым, — вот единственная тема всякого художественного журнала, в том числе и детского журнала для деревенских пионеров и школьников!

АЛЬМАНАХ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

ГОРЬКИЙ. (От наш. корр.). По инициативе Союза писателей, Горьковский областной издательство приступило к работе над альманахом для юношества „Волжские огни“.

Этот альманах, в основном, будет отражать прошлое и настоящее Горьковской области — рассказы о ее достопримечательностях; воспоминания о таких людях, как А. М. Горький, Я. М. Свердлов, В. Г. Короленко; очерки о горьковчане в Героях Советского Союза, а также рассказы и стихи.

В альманахе примут участие: В. Костылев, Г. Федоров, А. Зарубин, Н. Витковский, А. Романов, Б. Билибин, И. Денисов, проф. С. Спюнок и др.

Если герой занимается уже безусловно простым и прозаичным делом, то автор, стоило сблук, глубокоосмысленно замечает: „На лице его при этом такое было выражение, словно нет и не будет у него более важных забот в жизни, чем шпатель шинель и охранять свои командирские штаны...“

В альманахе примут участие: В. Костылев, Г. Федоров, А. Зарубин, Н. Витковский, А. Романов, Б. Билибин, И. Денисов, проф. С. Спюнок и др.

В альманахе примут участие: В. Костылев, Г. Федоров, А. Зарубин, Н. Витковский, А. Романов, Б. Билибин, И. Денисов, проф. С. Спюнок и др.

В альманахе примут участие: В. Костылев, Г. Федоров, А. Зарубин, Н. Витковский, А. Романов, Б. Билибин, И. Денисов, проф. С. Спюнок и др.

В альманахе примут участие: В. Костылев, Г. Федоров, А. Зарубин, Н. Витковский, А. Романов, Б. Билибин, И. Денисов, проф. С. Спюнок и др.

В альманахе примут участие: В. Костылев, Г. Федоров, А. Зарубин, Н. Витковский, А. Романов, Б. Билибин, И. Денисов, проф. С. Спюнок и др.

НА ДОРОГАХ ВОИНЫ

Эта. Перекресток фронтовых дорог. Раскрывавшаяся на легком морозе девушка-карагульщица дирижирует проходящими автоколоннами. На перекрестке — группа офицеров и солдат ждет допущения машины. Курят. Переговариваются. Притоптывают, согрвая застывающие ноги.

Товарищ полковник! Кажется, вы хотели ехать в Эск? — обращается регулировщица к высокому, широкоплечему блондину в ушанке и просторном полушубке, перекаченном ремнями походного снаряжения.

Полковник быстро подхватывает за плечный мешок и переплывает через высокий задний борт крытого „Студебеккера“.

Машина плавно отъезжает от белой корки дороги и, набирая скорость, летит вперед.

Люди на фронте знакомятся и сходятся мгновенно. Только что встретились впервые, а через какие-нибудь четверть часа толкуют, как будто всю жизнь были знакомы.

Так и тут. Закурили, разговорились. Молодецкий лейтенант из переднего угла кузова, прикуривая, вглядывается в лицо нового пассажира. Помолчал, как бы прикидывая, начать или не начать разговор, решил: — Простите, товарищ полковник, ваша фамилия не Твардовский?

— Да вот, я поглядел на вас и думаю — угадал или нет? Помните, вы вынуждены летом были под Витебском, в нашей части? Я еще вас на наблюдательный пункт к командиру полка водил, Потом вы у нас вечером „Теркина“ читали.

Остальные вслушиваются в завязавшийся разговор. Широколицый рыжеусый старший сержант из „бывалых“ с удивлением разглядывает нового пассажира: — Так это вправду, товарищ полковник, вы есть тот Твардовский, что про Васю Теркина в „Красноармейской правде“ сочиняет?

— Ну, а если бы и я, — добродушно-насмешливо отвечает новый пассажир.

— Так вот ведь какая штука! Уж никак не думал, что живого писателя можно довести, да еще где, в кузове... ну, ворово!.

Так слово за слово начинается разговор на литературные темы. Сначала насчет Теркина. Выдумал он, или в самом деле есть на свете такой лихой парень? И как это так у поэта получается — все хлестко, все похоже и все в ритму. Потом разговор расширяется, начинают расспросить, а где сейчас Борис Горбатов? А когда Шолохов допишет „Они сражались за Родину“? А верно ли, что Ставского под Невелем убили? А что сейчас пишет Эрнбург? Уже все многочисленное население кузова втянулось в беседу. Уже посетовали, что вот про сапер не пишут, а работа у них невнятная, да злая. Уже обиделись на то, что в повести одного писателя танкисты говорят, как зарядские банши. Литератор, атакующий со всех сторон неистинность солдатской пылкости, отвечает и отвечает без конца, и в сердце его, не в первый раз за время войны, поднимается горделивое чувство. — Какой народ! Живут в самом неуютном месте на земле — на переднем крае войны, а вот, на пойдя, всерьез волнуются из-за того, что то-то ветхими словами про новое рассказывают...

Эта однажды замеченная на фронтовой дороге сценка вызвала в моей памяти далекий сейчас вечер 22 июня 1941 года. Тогда мы — большая группа московских писателей — собрались в столовой печати Подольского управления Красной Армии, чтобы получить назначение, проездные билеты.

Война делала писателей универсалами. Николай Тихонов известен и как автор прекрасной поэмы „Киров с нами“, и как автор широко популярных дневниковых времен ленинградской блокады, и как автор „Ленинградских рассказов“, и как автор военных-исторических и публицистических статей. Константин Симонов на войне работал во всех мыслимых литературных жанрах, ему все принадлежало: лирические стихи, и журналистские очерки, и рассказы, и повести, и киносценарии.

Общественная исключительная работоспособность Ильи Эрнбурга, выступившего в качестве автора страшных памфлетов. Бисне Горбатов с первого дня войны — фронтовой газетный корреспондент. Его очерки и публицистика не сходили со страниц газет в эти годы. И Горбатов — автор двух больших военных повестей, автор двух пьес, написанных в военное время.

Тяжелые, нередко трагические условия существования в осажденном Ленинграде не помешали Александру Прокофьеву, Виссариону Саянову, Веру Инбер и Ольге Берггольц писать и печатать очерки, рассказы, повести, стихи и поэмы, которые широко популярны в стране.

Война делала писателей универсалами. Николай Тихонов известен и как автор прекрасной поэмы „Киров с нами“, и как автор широко популярных дневниковых времен ленинградской блокады, и как автор „Ленинградских рассказов“, и как автор военных-исторических и публицистических статей. Константин Симонов на войне работал во всех мыслимых литературных жанрах, ему все принадлежало: лирические стихи, и журналистские очерки, и рассказы, и повести, и киносценарии.

Общественная исключительная работоспособность Ильи Эрнбурга, выступившего в качестве автора страшных памфлетов. Бисне Горбатов с первого дня войны — фронтовой газетный корреспондент. Его очерки и публицистика не сходили со страниц газет в эти годы. И Горбатов — автор двух больших военных повестей, автор двух пьес, написанных в военное время.

Тяжелые, нередко трагические условия существования в осажденном Ленинграде не помешали Александру Прокофьеву, Виссариону Саянову, Веру Инбер и Ольге Берггольц писать и печатать очерки, рассказы, повести, стихи и поэмы, которые широко популярны в стране.

Война делала писателей универсалами. Николай Тихонов известен и как автор прекрасной поэмы „Киров с нами“, и как автор широко популярных дневниковых времен ленинградской блокады, и как автор „Ленинградских рассказов“, и как автор военных-исторических и публицистических статей. Константин Симонов на войне работал во всех мыслимых литературных жанрах, ему все принадлежало: лирические стихи, и журналистские очерки, и рассказы, и повести, и киносценарии.

Общественная исключительная работоспособность Ильи Эрнбурга, выступившего в качестве автора страшных памфлетов. Бисне Горбатов с первого дня войны — фронтовой газетный корреспондент. Его очерки и публицистика не сходили со страниц газет в эти годы. И Горбатов — автор двух больших военных повестей, автор двух пьес, написанных в военное время.

Тяжелые, нередко трагические условия существования в осажденном Ленинграде не помешали Александру Прокофьеву, Виссариону Саянову, Веру Инбер и Ольге Берггольц писать и печатать очерки, рассказы, повести, стихи и поэмы, которые широко популярны в стране.

Война делала писателей универсалами. Николай Тихонов известен и как автор прекрасной поэмы „Киров с нами“, и как автор широко популярных дневниковых времен ленинградской блокады, и как автор „Ленинградских рассказов“, и как автор военных-исторических и публицистических статей. Константин Симонов на войне работал во всех мыслимых литературных жанрах, ему все принадлежало: лирические стихи, и журналистские очерки, и рассказы, и повести, и киносценарии.

Общественная исключительная работоспособность Ильи Эрнбурга, выступившего в качестве автора страшных памфлетов. Бисне Горбатов с первого дня войны — фронтовой газетный корреспондент. Его очерки и публицистика не сходили со страниц газет в эти годы. И Горбатов — автор двух больших военных повестей, автор двух пьес, написанных в военное время.

Тяжелые, нередко трагические условия существования в осажденном Ленинграде не помешали Александру Прокофьеву, Виссариону Саянову, Веру Инбер и Ольге Берггольц писать и печатать очерки, рассказы, повести, стихи и поэмы, которые широко популярны в стране.

Война делала писателей универсалами. Николай Тихонов известен и как автор прекрасной поэмы „Киров с нами“, и как автор широко популярных дневниковых времен ленинградской блокады, и как автор „Ленинградских рассказов“, и как автор военных-исторических и публицистических статей. Константин Симонов на войне работал во всех мыслимых литературных жанрах, ему все принадлежало: лирические стихи, и журналистские очерки, и рассказы, и повести, и киносценарии.

Общественная исключительная работоспособность Ильи Эрнбурга, выступившего в качестве автора страшных памфлетов. Бисне Горбатов с первого дня войны — фронтовой газетный корреспондент. Его очерки и публицистика не сходили со страниц газет в эти годы. И Горбатов — автор двух больших военных повестей, автор двух пьес, написанных в военное время.

Тяжелые, нередко трагические условия существования в осажденном Ленинграде не помешали Александру Прокофьеву, Виссариону Саянову, Веру Инбер и Ольге Берггольц писать и печатать очерки, рассказы, повести, стихи и поэмы, которые широко популярны в стране.

Война делала писателей универсалами. Николай Тихонов известен и как автор прекрасной поэмы „Киров с нами“, и как автор широко популярных дневниковых времен ленинградской блокады, и как автор „Ленинградских рассказов“, и как автор военных-исторических и публицистических статей. Константин Симонов на войне работал во всех мыслимых литературных жанрах, ему все принадлежало: лирические стихи, и журналистские очерки, и рассказы, и повести, и киносценарии.

Василий Гроссман — талантливый прозаик, редкий гость в Москве. Его мессорбывание — Действующая армия. Кроме известных своих очерков об обороне Сталинграда, написанных в самом начале Сталинградской битвы, он написал известную повесть „Народ бессмертен“ и сейчас настоящей работой над большим военным романом.

Один из видных советских поэтов Александр Твардовский с первого дня войны — сотрудник фронтовой газеты. Но оперативная газетная работа не помешала ему создать крупное произведение поэзии военных лет — солдатскую поэму „Василий Теркин“.

Можно назвать десятки писательских имен и десятки произведений, чтобы стало всем ясно, что война не мешала талантливым и живым сердцем литераторам быть не только хорошими гражданами и солдатами, но и интенсивно работающими писателями.

А если мы перелистаем ворохи записных книжек, накопленных за годы войны писателями-фронтовиками, то мы воочию увидим, какой плодотворной была писательская жизнь на войне, среди воюющего народа. Многие большие произведения литературы датируются тем периодом, когда законспектированы в эти записные книжки. А пока эта придет. И несвязные замисли, беглые зарисовки характеров, бесчисленные штрихи быта войны воплотятся в монументальный эпос о героике нашего народа.

Война есть война. Без жерств нет подвига. И литература — не исключение из этого сурового закона. Чтобы получить право быть душеприказчиком солдатского сердца, писатель сам должен быть солдатом и разделить со своим героем все превратности фронтового существования.

Любимый писатель наших подростков — Аркадий Гайдар, который в гражданскую войну шестнадцатилетним юношей коммандовал полком, осенью 1941 года, оказавшись в тылу у немцев, стал пулеметчиком в партизанском отряде, волею отягощен и самозабвенно пал смертью храбрых в неравной схватке с немцами.

Молодой, весь в будущем, писатель Юрий Крымов, автор широко известной в нашей стране книги „Танкетка Дебент“ и „Ижмечора“, выходя из окружения группой бойцов, погиб в рукопашной схватке с немцами; он сражался до последнего дыхания, как полагается доброму патриоту и хорошему солдату.

Перелопачивая по „битой земле“ застрявшие между нашими и немецкими окопами советскому танку, пал сраженный пулей талантливейший прозаик Борис Ивантер.

На подвальной ложке, прикрывавшей отходивший к Крошиштаду караван советских кораблей, погиб талантливый молодой поэт, офицер флота Александр Лебелев.

Возле зенитного орудия, на борту атакуемого прикрывшими бомбардировщиками линкора погиб ленинградский драматург и киносценарист Иоганн Зельнер.

На пути из Севастополя, где он был в последние часы обороны, разбился при авиационной катастрофе всемирно известный писатель Евгений Петров.

На пути в Партизанский район погиб в горющем самолете молодой беллетрист Иван Меньшиков.

Прозаики Борис Латын, Захар Хатрепин, Михаил Розенфельд, Сергей Семенов, Александр Тарасов, поэты Джек Алтаун, Юрий Инге, Всеволод Баггинский, критик Юрий Свирюк — их кровью и кровью еще многих десятков погибших товарищей, людей, полных жизни, энергии, не реализованных творческих возможностей, наша литература еще и еще раз скрепила свою нерушимую связь с народом.

И тем, кто в трудное время оказался в ряду борющихся за честь и свободу Родины, народ платит истинной любовью. Она выражается в и тысячах писем, получаемых писателями-фронтовиками от солдат и офицеров переднего края, и во множестве других знаков народной признательности и внимания.

„Когда я заканчивал эти беглые заметки, трижды в бархатную синеву майской ночи залетали цветные каскады ракет. Подобные раскатам весеннего грома сотрясали небо над Москвой залпы салютов.“

Родина приветствовала своих сынов-богатырей, воздвигших над Берлином знамя победы.

И в охватившее все существо чувство безмерной радости вливалось горделивое сознание того, что в великое, святое дело победы над врагом вложена частица и нашего честного литературного труда.

„Литературное дело должно стать частью общенародного дела.“ — писал тридцать лет тому назад Владимир Ильич Ленин. Двадцатисемилетним творческим трудом наша молодая советская литература влилась в широкий поток общенародного дела создания нового общества.

Лучшие наши писатели своей работой в Действующей армии утвердили свое право жалей литься с массами, идти с ними «на труд, на праздник, на смерть».

Война делала писателей универсалами. Николай Тихонов известен и как автор прекрасной поэмы „Киров с нами“, и как автор широко популярных дневниковых времен ленинградской блокады, и как автор „Ленинградских рассказов“, и как автор военных-исторических и публицистических статей. Константин Симонов на войне работал во всех мыслимых литературных жанрах, ему все принадлежало: лирические стихи, и журналистские очерки, и рассказы, и повести, и киносценарии.

Общественная исключительная работоспособность Ильи Эрнбурга, выступившего в качестве автора страшных памфлетов. Бисне Горбатов с первого дня войны — фронтовой газетный корреспондент. Его очерки и публицистика не сходили со страниц газет в эти годы. И Горбатов — автор двух больших военных повестей, автор двух пьес, написанных в военное время.

Тяжелые, нередко трагические условия существования в осажденном Ленинграде не помешали Александру Прокофьеву, Виссариону Саянову, Веру Инбер и Ольге Берггольц писать и печатать очерки, рассказы, повести, стихи и поэмы, которые широко популярны в стране.

Война делала писателей универсалами. Николай Тихонов известен и как автор прекрасной поэмы „Киров с нами“, и как автор широко популярных дневниковых времен ленинградской блокады, и как автор „Ленинградских рассказов“, и как автор военных-исторических и публицистических статей. Константин Симонов на войне работал во всех мыслимых литературных жанрах, ему все принадлежало: лирические стихи, и журналистские очерки, и рассказы, и повести, и киносценарии.

Общественная исключительная работоспособность Ильи Эрнбурга, выступившего в качестве автора страшных памфлетов. Бисне Горбатов с первого дня войны — фронтовой газетный корреспондент. Его очерки и публицистика не сходили со страниц газет в эти годы. И Горбатов — автор двух больших военных повестей, автор двух пьес, написанных в военное время.

Тяжелые, нередко трагические условия существования в осажденном Ленинграде не помешали Александру Прокофьеву, Виссариону Саянову, Веру Инбер и Ольге Берггольц писать и печатать очерки, рассказы, повести, стихи и поэмы, которые широко популярны в стране.

Василий Гроссман — талантливый прозаик, редкий гость в Москве. Его мессорбывание — Действующая армия. Кроме известных своих очерков об обороне Сталинграда, написанных в самом начале Сталинградской битвы, он написал известную повесть „Народ бессмертен“ и сейчас настоящей работой над большим военным романом.

Один из видных советских поэтов Александр Твардовский с первого дня войны — сотрудник фронтовой газеты. Но оперативная газетная работа не помешала ему создать крупное произведение поэзии военных лет — солдатскую поэму „Василий Теркин“.

Можно назвать десятки писательских имен и десятки произведений, чтобы стало всем ясно, что война не мешала талантливым и живым сердцем литераторам быть не только хорошими гражданами и солдатами, но и интенсивно работающими писателями.

А если мы перелистаем ворохи записных книжек, накопленных за годы войны писателями-фронтовиками, то мы воочию увидим, какой плодотворной была писательская жизнь на войне, среди воюющего народа. Многие большие произведения литературы датируются тем периодом, когда законспектированы в эти записные книжки. А пока эта придет. И несвязные замисли, беглые зарисовки характеров, бесчисленные штрихи быта войны воплотятся в монументальный эпос о героике нашего народа.

Война есть война. Без жерств нет подвига. И литература — не исключение из этого сурового закона. Чтобы получить право быть душеприказчиком солдатского сердца, писатель сам должен быть солдатом и разделить со своим героем все превратности фронтового существования.

Любимый писатель наших подростков — Аркадий Гайдар, который в гражданскую войну шестнадцатилетним юношей коммандовал полком, осенью 1941 года, оказавшись в тылу у немцев, стал пулеметчиком в партизанском отряде, волею отягощен и самозабвенно пал смертью храбрых в неравной схватке с немцами.

Молодой, весь в будущем, писатель Юрий Крымов, автор широко известной в нашей стране книги „Танкетка Дебент“ и „Ижмечора“, выходя из окружения группой бойцов, погиб в рукопашной схватке с немцами; он сражался до последнего дыхания, как полагается доброму патриоту и хорошему солдату.

Перелопачивая по „битой земле“ застрявшие между нашими и немецкими окопами советскому танку, пал сраженный пулей талантливейший прозаик Борис Ивантер.

На подвальной ложке, прикрывавшей отходивший к Крошиштаду караван советских кораблей, погиб талантливый молодой поэт, офицер флота Александр Лебелев.

Возле зенитного орудия, на борту атакуемого прикрывшими бомбардировщиками линкора погиб ленинградский драматург и киносценарист Иоганн Зельнер.

На пути из Севастополя, где он был в последние часы обороны, разбился при авиационной катастрофе всемирно известный писатель Евгений Петров.

На пути в Партизанский район погиб в горющем самолете молодой беллетрист Иван Меньшиков.

Прозаики Борис Латын, Захар Хатрепин, Михаил Розенфельд, Сергей Семенов, Александр Тарасов, поэты Джек Алтаун, Юрий Инге, Всеволод Баггинский, критик Юрий Свирюк — их кровью и кровью еще многих десятков погибших товарищей, людей, полных жизни, энергии, не реализованных творческих возможностей, наша литература еще и еще раз скрепила свою нерушимую связь с народом.

И тем, кто в трудное время оказался в ряду борющихся за честь и свободу Родины, народ платит истинной любовью. Она выражается в и тысячах писем, получаемых писателями-фронтовиками от солдат и офицеров переднего края, и во множестве других знаков народной признательности и внимания.

„Когда я заканчивал эти беглые заметки, трижды в бархатную синеву майской ночи залетали цветные каскады ракет. Подобные раскатам весеннего грома сотрясали небо над Москвой залпы салютов.“

Родина приветствовала своих сынов-богатырей, воздвигших над Берлином знамя победы.

И в охватившее все существо чувство безмерной радости вливалось горделивое сознание того, что в великое, святое дело победы над врагом вложена частица и нашего честного литературного труда.

„Литературное дело должно стать частью общенародного дела.“ — писал тридцать лет тому назад Владимир Ильич Ленин. Двадцатисемилетним творческим трудом наша молодая советская литература влилась в широкий поток общенародного дела создания нового общества.

Лучшие наши писатели своей работой в Действующей армии утвердили свое право жалей литься с массами, идти с ними «на труд, на праздник, на смерть».

Война делала писателей универсалами. Николай Тихонов известен и как автор прекрасной поэмы „Киров с нами“, и как автор широко популярных дневниковых времен ленинградской блокады, и как автор „Ленинградских рассказов“, и как автор военных-исторических и публицистических статей. Константин Симонов на войне работал во всех мыслимых литературных жанрах, ему все принадлежало: лирические стихи, и журналистские очерки, и рассказы, и повести, и киносценарии.

Общественная исключительная работоспособность Ильи Эрнбурга, выступившего в качестве автора страшных памфлетов. Бисне Горбатов с первого дня войны — фронтовой газетный корреспондент. Его очерки и публицистика не сходили со страниц газет в эти годы. И Горбатов — автор двух больших военных повестей, автор двух пьес, написанных в военное время.</

Литература великого двадцатипятилетия

В великие дни, когда наша доблестная Красная Армия воздвигла знамя победы над Берлином, мы отмечаем славную дату — 25-летие советского Азербайджана.

Со времени установления советской власти в Азербайджане наступила новая эра в развитии нашей литературы.

Поэзия пользуется особой любовью нашего народа. Мастерству поэты учатся у русских и азербайджанских классиков — Пушкина, Лермонтова, Низами, Хагани, Физули, Вагифа.

Несмотря на веру в светлое будущее своего народа, поэзия азербайджанских классиков (особенно лирическая) была окрашена в грустные тона.

Мне чаще налей, виночерий, всему нас сложуэт могильные черны, всему наступит конец.

— воспевают поэты XVIII века. Вагиф. Даже певец радости и любви Вагиф в знаменитом стихотворении «Не видаль» выражает разочарование и в своей эпохе, и в людях, и даже в друзьях.

Поэты советского Азербайджана, взяв у классиков все лучшее, что было им свойственно, создали свою жизнестроительную оптимистическую поэзию.

Поэт Сулейман Рустам первую книгу своих стихов называет «От скверки к радости».

За 25 лет в Азербайджане выросли талантливые писатели, как Джафар Джаббарлы, Самед Вургун, Расул Рза, Мамед Рагим, Сулейман Рустам, Сулейман Рагимов и другие.

Они внесли в литературу новые черты поэзии советского времени — широта тематики, политическая заостренность, оптимистичность.

Самед Вургун автор многочисленных поэм и драм, создал в дни Отечественной войны цикл боевых стихотворений; в них воспевается героизм советских людей, воинов азербайджанцев.

Лучшие его стихи посвящены героям Отечественной войны — Камал Касымову, Ази Асланову и другим. Большая теплота, эмоциональная возбудимость, этическая мажора повествования характерны для творчества Самеда Вургун. Он, поэтически осмысливая женские факты, раскрывает их

Мехти ГУСЕИН

Философскую глубину. Это особенно сказалось на его поэме «Зимнеосец» («Байрактар»). Размышление над современной действительностью дало материал Вургуну материал для драмы «Человек Самед».

Вургун разоблачает идеологическую истинность философии фашистов и противопоставляет ей светлые идеалы советского народа.

Стихи Мамеда Рагима подкупают лиричностью. Песенной манерой он близок к классикам, но в отличие от них — даже тогда, когда Мамед Рагим говорит о смерти героя, он находит светлые, жизнеутверждающие краски.

Очень популярен и поэт Расул Рза, создавший цикл политически заостренных стихотворений. Агитационная действительность его поэзии ярко выражена в таких произведениях, как «Линия Сталина», «Месть».

У классиков азербайджанской литературы особое развитие достигла короткая новелла; ее мастерами были М. Ахундов, А. Ахвердов и Молла Насреддин (Мамед Кули-заде).

У них наши прозаики учились композиционным приемам новеллы, образности характеров. Нельзя не отметить с отрядным чувством стремления некоторых наших писателей овладеть и новеллой, и большим литературным жанром — романом.

Сулейман Рагимов написал роман в тему гражданской войны — «Шам». В новом романе «Савль» Рагимов создает сатирические портреты людей, мешающих развитию советской жизни.

Видный романист Мамед Саид Ордубады, один из последователей Моллы Насреддина, продолжает в своем творчестве его традицию. Ордубады успешно разрабатывает исторические темы. Кроме четырехтомного романа «Тавриз туманный», он написал «Борющийся город» о 26 казахских комиссарах и «Мир меняется» (об обороне Астрахани под руководством товарища Кириана).

В последних номерах журнала «Ватан Угрудна» печатается новый роман Ордубады «Меч и перо», посвященный жизни и деятельности великого Низами. Красочный язык, стремительно развивающееся действие, выуклость образов, искусное развитие

Мехти ГУСЕИН

литературный характеруют высокую культуру писателя.

Мирджалала, автор романов «Воскресший человек» и «Манифест молодого человека», за годы войны написал немало интересных рассказов, вошедших в сборник «Родина».

С большим мастерством обрисованы им дождя, в частности даны незабываемые образы женщин, чьи сыновья сражаются на фронте.

В области новеллы успешно работают М. Энвер, И. Эфендиев, Саид Рахман, Али Велиев и др.

Наши прозаики учатся мастерству у русских классиков — Толстого, Тургенева, Чехова, Горького. Многие азербайджанские писатели работают над переводами произведений великих русских писателей.

Если в области романа азербайджанские писатели не имеют предтеч в отечественной классике, то иначе обстояло дело с драмой. Мирза Фатали Ахундов в середине XIX в. положил начало развитию национальной драматургии. В этом жанре в течение многих десятилетий прекрасно работали Молла Насреддин, А. Ахвердов и крупнейший азербайджанский драматург советской эпохи, Джафар Джаббарлы.

Над пьесами на современные темы успешно работает М. Ибрагимов. Недавно он написал пьесу «Махаббат» — о девушке инженер, совершившей один из видов вооружения. Острота диалога, динамичность ситуации, хорошее знание сцены обеспечили успех этой пьесы у зрителей.

Писатели Азербайджана не успокаиваются на достигнутом. Добившись некоторых успехов в прозе, мы должны вести борьбу за то, чтобы по-настоящему овладеть жанром романа и повести, показать в них во всем богатстве и красоте великих возможностей нашего времени.

Много предстоит сделать в области драматургии и детской литературы. Наши театры ждут пьес зрелой формы, театральных произведений, которые могли бы удовлетворить возросшие духовные потребности зрителей. В дни войны азербайджанские писатели помогали воинам громить фашистов в области морально-политической.

Победа над теми силами фашизма отобрала перед всеми писателями нашей страны огромные перспективы, возникают и будут развиваться новые темы и новые жанры.

Самед ВУРГУН ДАСТАН О БАНУ

Здесь воздух свеж и ясен, как роса. Глядит заря сквозь дымку облаков. Качаясь, промывает паруса Медлительных рыбачьих качков. Сиянием воды окружены, Они скользят и светятся вдали. Живые очертания земли В каспийской синеве отражены. Весенней порой, в начале дня, Бродит меж кипарисов и чинар По древним берегам твоим, Хазар, Всего на свете слаще для меня. Но я люблю и ветер штормовой, Когда, визнящий в толще полая, Студеная каспийская вода. По увлажненной брызгами земле Промокает могучий ураган. И Каспий гневно метнется во мгле. К пологим устремляясь берегам. Безветрие тает в себе застой. Я — вечный твой противник, тишина. Любая жизнь покажется пустой, Когда она волнений лишена. Пусть ветры, всколыхнув морскую гладь, Вырывают в прибрежье дома. Нам в бурях захватиться и мучать, Как возмужала Родина сама. ...Звонит о камень светлая волна. За камнем бежит косяк тень. Вдоль берега бакланья весна Охаживая рассыпала сирени.

Р. НИГАР НОМАНДИР

Я задорной и веселой Девочкой была, Я на смотр военной школы В Аджикенд пришла. В первый раз тогда героем Ты явился мне. Ты промчался перед строем На лихом коне. Эскадрон готов к бою, Шел ты вперед. Ты не знаешь, что со мною, Что растет в груди. Поминишь рошну густую, Ключ, бегущий с гор? Поминишь девушку босу, Первый разговор? Ты ушел, а я осталась, Будто не своя. На густых ветвях качалась, Глядя в глубь рощица. На сады Азербайджана Опустилась мгла. В час рассветного тумана Я домой пришла. Я недаром полюбила И была верна. Испытаны наступило, Грянула война. Был ты мстителем крымлятам, Соколом в бою. Ты украсил дал проклятым Молодость мою. Помнил в тягостной дороге Рошу и родник. Ты врага в его берлоге Саблею настг. И пропалел ты повсюду, И страной любви. И горда я вечно буду Именем твоим.

М. ДИЛЬБАЗИ УТРЕННЕМУ ВЕТРЕНУ

Ты дуй потише, ветерок, Нельзя же сразу наутек: Ты дай мне весточку о нем, О ком тревожусь даже за днем. Скажи, давно ли перелетал Ты через снежный перевал? На зорьке радостную весть Ты другу послешли принесть? Когда шумела в реках кровь, Сивистели плути вновь и вновь. Ты не встречал ли друга там, Когда долина скрыла туман? Когда долина скрыла туман, И шел сквозь пламя и снега Отряд в атаку на врага. Ты слышал друга властный зов? О, хоть единое из слов Перекажи мне, ветерок! Студеный зимний ветерок, Когда войска с высоких гор Спускались в яростный простор. Не ошал ли твой полет На лбу его горячий пот? Ты ишь за руку средь трудных скал Их и его не поддержал? Когда заря сквозь терпкий дым Встае победная над ним, Тебе ласкает ли привлекло Чудушный шелк его волос, Шича как рады все ему В его краю, в его дому? На зорьке радостную весть Ты другу послешли принесть? Ты ты помедли, ветерок, Нельзя же сразу наутек! Ты облетел все белый свет — А где ж от милого привет? Перевел Павел ПАНЧЕНКО.

М. РЗАКУЛУ-ЗАДЕ Подрастающему поколению

История современной детской литературы Азербайджана неразрывно связана с именем старейшего писателя-педагога Абдуллы Шайха, работающего в этой области около сорока лет. Как детский писатель он завоевал любовь и уважение нескольких поколений. Он писал стихотворные сказки, а также рассказы, положительные основание азербайджанской детской прозе.

Среди прозаических произведений Абдуллы Шайха следует отметить «Танцующих черепашек», «Огонь оглу», «Хасай», имеющие большое художественно-воспитательное значение. Сказка «Танцующие черепашки» переработана автором в сценарий первого в Азербайджане детского кинофильма.

Пьеса Шайха «Ватан» («Родина») с первого года войны с неизменным успехом идет на сцене Азербайджанского театра имени М. Горького. Действие новой пьесы Шайха «Ана» («Мать») происходит в дни войны.

В 1944 году Шайх написал поэму «Труд и роскошь», воспевая силу и мощь труда. Поэма эта удостоена первой премии на конкурсе на лучшую детскую поэму и балладу. За переводы басен Крылова А. Шайх получил первую премию Правительственной комиссии Азербайджана по проведению крыловского юбилея.

Среди детских писателей выделяется Сеид-заде Мир Мехти. Он начал печататься в 1930 г., первые его произведения написаны под влиянием детского фольклора, но уже в них проявилось оригинальное дарование. Наиболее интересные произведения Сеид-заде — поэмы-сказки «Нэргис» и «Джаиран». Автор умело сочетает элементы народной сказки с реалистическими образами. Переведенная на русский и армянский языки сказка «Нэргис» пользуется большим успехом у юных читателей.

Сеид-заде написал для детей много произведений: маленькие стихотворения в 8—10 строк, песенки, баллады, поэмы, пьесы. Они рассказывают о Ленине и Сталине, о революционных событиях и праздниках, о партизанах и хитрецах, о временах тогда и теперь. Сеид-заде «Александр и ластуха», написанная по мотивам «Искандар-нама» великого Низами, — пример того, как можно пользоваться классическим наследием для создания новых детских произведений. Сеид-заде выступает и как драматург. На сцене театра поставлены две его пьесы «Аяз» (1937—38 гг. на азербайджанском и русском языках) и «Гызыл гуш» (1940).

Во время войны Сеид-заде написал несколько одноактных пьес: «Коржмаз» («Бесстрашный») — о народном герое, «Гамар» — о жизни советских детей в оккупированных немцами районах, «Джырдаг» — о чувстве дружбы, «Фитиз» — по мотивам Низами.

Самед Вургун, Мехти Гусейн, Мамед Рагим, Али Велиев, Э. Талет, Б. Касим-заде также выступили с интересными произведениями для детей и юношества.

Поэты и прозаики советского Азербайджана, посвятившие себя детской литературе, всегда уделяли много внимания переводу произведений классиков мировой и русской литературы. Дети и молодежь Азербайджана читают на родном языке Сафита Рабие, Сервантеса, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Чехова, Горького, Гоголя, Маяковского, А. Дюма, Жюль-Верна, Шиллера, Гюго, Киплинга и произведения современных русских детских писателей: Маршак, Чуковского, Михалков, Барто, Ильина и др. Переведены на азербайджанский язык произведения классиков и современных писателей и других братских народов СССР.

В. АЛЕКСАНДРОВ РУССКИЙ ДАНТЕ

Шесть лет тому назад появилось первое издание переведенного М. Лозинским дантовского «Ада». В прошлом году опубликован перевод «Чистилища». М. Лозинский окончил свою замечательную работу: в пяти третей часть «Божественной комедии» — «Рай».

Это — большое событие. В короткой статье трудно оценить значение этой встречи с одним из самых высоких поэтов и мыслителей Запада. Данте окружен славной комментаторской литературой. Иные «специалисты по Данте» склонны считать его своим исключительным достоянием: «Он наш; понимание поэмы, как целого, достигается годами исследовательской работы; вам, просто читателям», отводятся лишь особо доступные, отжорженые места с надписью: «здесь может восхищаться» — рассказ Франческо, рассказ Уголино; остальное — для посвященных». Высокомерная и ложная установка: нет поэтов, которые принадлежали бы только историкам и только филологам. Конечно, «Божественная комедия» — не легкое чтение; читатель должен постоянно обращаться к пояснительной аппаратуре (в наших изданиях разумно снабженной к необходимому и достоящему); но если он не испугается этих пояснений (а они вовсе не страшные), он поймет не только Франческу и Уголино; останутся непонятными лишь те немногие строки, которых сами специалисты не понимают.

Чернышевский определял смысл искусства как «живого приговора» о явлениях жизни. «Интересуясь явлениями жизни, человек не может, сознательно или бессознательно, не проноситься о них своего приговора». В поэме Данте суд художника и человека над людьми и истопией, эта важнейшая жизненная функция искусства, осуществляется самым прямым и непосредственным способом: здесь люди изображены вместе с воздаянием за их дела наградами и наказаниями.

Присутствуя при дантовской оценке человеческих дел, при этом распределении воздаяния, мы без труда разграничиваем: где Данте — данник средневековья; в чем он принадлежит новому времени (и чем он принадлежит Возрождению — он

больше и шире таких писателей, как Петрарка или Боккаччо, — но и последующим векам человеческой истории). Если средневековый суд расходится с дантовской моралью, если Данте не может спасти человека, будь он близок его уму и сердцу людей, и он не побойлся поэты судило средневековья, совокупные поэты все-таки с ним, и он не побойлся поэты справиться с осужденными, как горячий и участливый друг. Некоторых ему удается поместить не там, где им полагают, а по своей суднековой доктрине. Если же эта доктрина осуждает злодеяние и роет стовников, Данте несет сюда и всю свою личную ненависть.

Собственная и новая дантовская мораль человека, сурова и мужественна. Поднимаю о том, что вы слышите: Вы оспариваете не для жизни, но и для любви и знания рождены.

Самое тяжкое преступление — предательство, измена. Самая губительная порочная сила — алчность, корысть.

Волчица, от которой ты и слезал, Выхв извощив гонит, утесняя, И утесняя не для жизни, но и для любви и знания рождены.

Самое тяжкое преступление — предательство, измена. Самая губительная порочная сила — алчность, корысть.

Волчица, от которой ты и слезал, Выхв извощив гонит, утесняя, И утесняя не для жизни, но и для любви и знания рождены.

Самое тяжкое преступление — предательство, измена. Самая губительная порочная сила — алчность, корысть.

Волчица, от которой ты и слезал, Выхв извощив гонит, утесняя, И утесняя не для жизни, но и для любви и знания рождены.

Иллюстрация художника А. Шульга к книге дважды Героя Советского Союза С. Ковпака «От Путивля до Карпат» (Детгиз).

Книга в Киргизии

Беседа с директором Киргизского Государственного издательства С. Чолоковым

За годы советской власти в нашей республике сильно возросла тяга к культуре. Об этом можно судить хотя бы по цифрам: план издательства в 1926 г. не превышал 25 печатных листов, в 1945 году запланировано на издание художественных произведений 230 печатных листов.

Четыре года тому назад нашим издательством была выпущена первая часть романа в стихах А. Токомбаева («Кровавые годы»). В романе описывается восстание 1916 года. Сейчас автор заканчивает вторую часть романа и следет нашему издательству. Находится в производстве роман Т. Сыдыкбекова «Темир», показывающий борьбу с кулачеством, колхозную жизнь в 1931—32 г. Издательство держит связь с писателями-фронтовиками, способствует росту молодых авторов. Мы готовим сборник стихотворений поэта-фронтовика Т. Уметалиева. Находится в производстве сборник стихов молодых поэтов С. Шимеева, К. Акаева, Кашкоева и др. Рассказ К. Байлинова «Аджар», изданный в 1928 году, пользуется до сих пор большой и неизменной популярностью: в нем описываются страдания киргизской девушки, попавшей в Китай. Рассказ переиздается.

Киргизский классик Тоголокмолдо в нравоучительных баснях и стихах хорошо изображает жизнь и быт деревенской Киргизии. Недавно вышел сборник его избранных произведений.

В плане 1945 года отводится значительное место детской литературе. В 1944 году ЦК комсомола Киргизии объявил конкурс на лучшую детскую книгу. Результаты конкурса подытоживаются, но уже сейчас можно сказать, что 8—10 книг, одобренных жюри конкурса, будут переданы нам в издательство.

Киргизским институтом языка и литературы за годы войны собрано много фольклорного материала, отражающего работу в тылу и героизм наших воинов на фронте. Сейчас этот материал подготавливается к изданию.

Аалы Токомбаев пишет рассказ для детей «Орел и филин», а также цикл рассказов, в основе которых положены мотивы народных сказок. Над рассказами для детей работают К. Джангошев и другие писатели.

Наш народ готовится достойно встретить 20-летие республики. К юбилею в Москве готовится первый том «Манаса» в переводе С. Липкина, М. Тарловского и Л. Пеняковского. Гослитиздатом уже отпечатаны иллюстрации для русского и киргизского текстов. Здесь же будет издана антология киргизской литературы с древнейших времен до наших дней объемом в 40 печатных листов.

В течение 1946 года мы предполагаем издать роман Т. Сыдыкбекова «Люди наших дней», повести и рассказы К. Байлинова, стихи и поэмы Маликова, стихи Д. Бокмобаева.

За годы войны в нашей республике широко издаются переведенные на киргизский язык произведения русских писателей. Сейчас подготовлены к печати следующие книги: «Радауга» Ванды Васильевской, «Непокоренные» Горбатова, «Горы от ума» Грибоедова и др. С калдран переводчиков у нас обстоит дело не всегда благополучно, поэтому сейчас мы пересматриваем ранее переведенные на киргизский язык художественные произведения, добиваясь улучшения качества переводов.

Кроме художественных произведений издательство выпускает учебники для начальных и средних школ, труды классиков марксизма-ленинизма, сельскохозяйственную литературу, учебники для техники.

И суд и путь в дантовской поэме мы переживаем как нечто кровно близкое и понятное нам — в наши дни великого исторического восхождения и высокого исторического суда.

Данте не знал того разрыва красоты и пользы, который мучил поэтов конца XIX и начала XX века. Его изумительная образность — не «пластика ради пластики». Для Данте поэзия — руководство к жизни. Отсюда дантовская поэтика, которая стремится связать видения ада, чистилища, рая с повседневным опытом рядового человека:

Как волк в вылом излет под нром плуцким, И нех близ этой створочной лупи...

— поэтика, в которой самое, казалось бы, невероятное и непонятное становится при помощи житейских обиходных сравнений предметом непосредственного и чувственного восприятия.

Так с нашей мыслью должно говорить, лишь в оптимном черепашьем позынне, Что разуму зытес его вручить.

«Переводчик с мастерством выходит из затруднений, которые на каждом шагу создает подлинник, не только по богатству и трудности внутреннего содержания, но и по чистоте внешним данным» — эти строки из отчета Академии наук о переводе М. Лозинским поэмы Данте, русский переводчик Данте, с несравненно большим правом могут быть отнесены к переводу Лозинского. Перевод Мина не был лишен некоторых достоинств, но сквозь него приходилось пробираться, как сквозь чащу того леса, о котором говорится в тринадцатой песне «Ада». В сущности, только теперь мы имеем русского Данте.

Переводчик «Божественной комедии» должен быть и комментатором, должен выбирать ту или иную версию, то или иное толкование слова, фразы; Лозинский выступает как пресловутый истолкователь труднейшего текста. Лозинский обнаруживает виртуозное тематическое умение. Есть в двадцать второй песне «Чистилища» строки, которые могут быть поняты двояко; Лозинскому удалось избежать их так, что и в русском переводе сохраняется эта двусмысленность. По моему мнению, и не лучше ли оставить в покое, подстроично-прозрачной стадии, если нет настоящего поэтического подлинника, которое позволило бы переводчику воспринять поэзию Данте (было бы переводить внешне корректнее, в соответствии с размером-рифмованностью

В СССР ВЫПУЩЕНО 10 МИЛЛИАРДОВ КНИГ

Сегодня в нашей стране отмечается День большевистской печати. 33 года назад 5 мая (22 апреля по старому стилю) 1912 года в Петербурге вышел первый номер газеты «Правда», созданной В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

В 1922 году к 10-летию «Правды» ЦК РКП(б) вынес постановление о проведении дня партийно-советской печати, который стал с тех пор традиционным праздником, символом нерушимой связи большевистской печати с массами трудящихся.

Большевистская печать играла и играет выдающую роль в деле строительства и укрепления мощи советского государства. Огромные тиражи книг, журналов и газет, издающихся в нашей стране, свидетельствуют о высокой политической активности трудящихся, о культурном подъеме народов СССР.

За 1918—1945 гг. в Советском Союзе издана 821 тысяча книг и брошюр общим тиражом свыше 10 миллиардов экземпляров. Только за годы Отечественной войны советские издательства выпустили 67 тысяч книг и брошюр, тираж которых превышает 1 миллиард экземпляров. Среди изданных в военные годы книг преобладают литература, посвященная обороне нашей Родины, произведения Ленина и Сталина. Значительное место занимают книги о промышленности, сельском хозяйстве, беллетристика, учебники.

За минувшие 27 лет издано 584 миллиона книг классиков марксизма-ленинизма. Миллионными тиражами изданы произведе-

ния классиков художественной литературы. Произведения Пушкина выпущены в СССР на 72 языках тиражом около 32 миллионов экземпляров книг, Л. Н. Толстого — на 65 языках тиражом около 24 миллионов, Горького — на 66 языках в количестве около 42 миллионов экземпляров книг.

Литература в нашей стране издается на 111 языках. Многие народы Советского Союза, на языках которых выплы десятки миллионов экземпляров книг и брошюр, не имели до Октября своей письменности.

Общий разовый тираж всех советских газет достигал до войны 38 миллионов экземпляров. За годы Отечественной войны выпущено много книг о героических подвигах советских воинов, стахановских делах тружеников тыла. Читатели фронта и тыла получили миллионы экземпляров книг Алексея Толстого, Шолохова, Соболева, Симонова, Вас. Гроссманна, Горбатова и других советских писателей.

Возобновилась широкая издательская деятельность в советских республиках, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. В городах Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии и Карело-Финской ССР уже в 1944 году издано, по неполным данным, около 14 миллионов экземпляров книг и брошюр.

Советская печать — книги, журналы, газеты — стала всенародным достоянием. Она проникает во все уголки нашей Родины, она несет в массы великие идеи партии Ленина-Сталина.

Л. ТОМ „СИРП Я ВАСАР“

Газета «Сирп я Васар» («Серп и Молот», еженедельник литературы и искусства) возродилась к жизни через три недели после изгнания фашистских оккупантов из Таллина. В воскресенье утро 15 октября таллинцы наярхат покупали у газетчиков богатое иллюстрированное, пестрящее множество заголовков номер «Сирп я Васар», напечатанный на восьми полусах, как и в первый счастливый год Советской Эстонии.

Эстонский читатель нашел в своей газете рассказы, стихи, статьи по литературе, театру, музыке, живописи, страннику сатиры и юмора, фото и репродукции картин.

Нелегко живое редакцию в первые дни. Мне довелось побывать в редакции «Сирп я Васар» в конце октября. В двух больших комнатах было пусто и холодно. Суровый ветер Балтики вырывался в разбитые окна и гулял по редакции. За большим столом одиноко сидела молодая девушка в ватнике—было рано, и сотрудник еще не собрался. Девушка в ватнике оказалась Девборой Вааранди, редактором «Сирп я Васар», талантливой молодой поэтессой.

С тех пор прошло полгода. Выходя аккуратно четыре раза в месяц, «Сирп я Васар» стал знаменем передового отряда эстонских работников литературы и искусства.

Газета чутко прислушивается к тому, что происходит в русском обществе и в жизни братских республик. Она откликается на юбилей Крылова, Грибоедова, Чехова, Маяковского. Она печатает статьи о советских писателях, помещая отрывки из произведений Толстого, Тихонова, Анатольского, Веры Инбер и других. Она систематически публикует лекции, концерты «Русское искусство», цикл которых начался 10 февраля с г.

Интересен напечатанный в «Сирп я Васар» доклад наркома просвещения ЭССР

перекривания станет поэзией. Поэзия — не только в размере и рифме, но и в выборе тех оборотов, которые должны передать внутреннюю поэтическую форму подлинника. Эти обороты и стих должны рождаться одновременно, в непосредственном общении с речью поэта, которого мы переводим; так работают все лучшие наши поэты-переводчики; так работает Лозинский. Только так могли возникнуть такие, например, прекрасные строки:

Он отвечал: «Не человек; я был им». Или: Они не стоят слов: взгляни — и мимо!

Соответствующие места подлинника («Rispuiseme: Non uomo; uomo gia fui...» «Non ragionam di lor ma guarda e passa») не могли бы быть переведены точнее и лучше; даже если бы перевести прозой, нельзя было бы подыскать более адекватного перевода.

О некоторых строчках можно спорить. В «Чистилище» одна из душ просит, как перевод М. Лозинский, не гнущаясь «этой плотию, мясом слишком бедной». Брэд ли это удачно: «плоть, бедная мясом». В подлиннике — по-другому: «Ne a difetto di carne ch'io abbia» (Примечание: не гнущаясь моей скудной плотию. XIII, 51). Там же, в XXI песне, 133—134: — Смотри, как злобно, — молвил тот, вставая, —

Моя любовь меня к тебе влекла... Слово «злойно» выпадает из стиля и не соответствует положению разговаривающих — двух встретившихся друг с другом литературных теней: тень поэта Стация преклоняется перед тенью автора «Энеиды». В подлиннике это чувство выражено с подкупающей отвлеченностью: «La quantitate... dell'amor».

(Комментаторы подчеркивают: «социально-стихийный термин».)

Но это — частности, мелочи, о которых достаточно упомянуть мимоходом и которые исчезают, когда говорим о работе в целом. Она превосходна.

Перевести «Божественную комедию» так, как перевел ее М. Лозинский, — настоящий поэтический подвиг.

